

Воздух всколыхнулся, понесся над белесым покровом и вдруг остановился также внезапно. На стыке возникла вязкая плесь. Так бывает, когда в одно прозрачное нальешь другое, например, сладкий сироп в чистую воду.

– Ничего не понимаю, как это получается? Сколько мы тут уже, а привыкнуть не могу.

Семен повалился и чуть поиграл плечами, утаптывая ложе. Некоторое время он лежал, не шевелясь, и смотрел на солнце, не мигая и не шурясь. Свет падал не струей, а пригоршнями, как будто сыпался сквозь решето, и глаз не раздражал.

– Сём, а тебе есть хочется?

– Нет, Борька, еще ни разу не хотелось. А тебе?

– И мне нет. А ведь бабаня так и говорила...

– Да ну тебя с твоей бабаней. Что ты ее всю дорогу вспоминаешь, соскучился?

– Ну маленько...

– Так скоро увидишь.

– Здорово ребята! Сесть с вами можно? – к ним подошел большой дядька с перевязанной лысой головой.

– Здоровее видали. Места вон как много, что сесть больше негде? – ответил Семен, не глядя.

– Вижу признал, – сказал лысый. – Ну тогда я присяду, коли мы знакомцы.

Он плюхнулся вниз, но его массивный зад еще пару раз подпрыгнул, прежде чем вдавиться в бугристую поверхность.

Молчали. Смотрели по сторонам, хотя смотреть было особенно не на что. Ни кустика, ни дерева. Ходили какие-то люди, вдали и ближе,

сидели вот так же группами и тоже молчали, в лучшем случае тихонько перешептывались.

– Хоть бы спать захотелось, – сказал перевязанный. – Меня Леонидом зовут.

– Очень приятно! – съехидничал Семен. – А мы то думали у вас в метрике так и прописано – «Гражданин начальник».

– Спать хочется, когда темно. Вот как будет темно, тогда и захочется, – у Бориса был нудный, невыразительный голос.

– Да темна тут видать никогда не бывает, – вздохнул вновьпришедший, потом кашлянул и плюнул.

– Плевать запрещено. Вам что не сказали? – удивился по-детски Борис. Он и впрямь выглядел подростком-переростком. Этакий деревенский увалень с поросычьим пятчком.

– Да кто тут заметит! Все белое, вон даже шмотье, – Леонид откинулся на правый локоть.

– Ха-га! – встрепенулся Семен и перевернулся на живот так резко, что хватил подбородком пены. – Всё, всё замечают, товарищ майор. Вам ли не знать? Тута охрана похлеще вашей будет. Подойдут опера, поднимут и дадут поддых. Ты согнешься, а они по зубам, ты назад, а они по мудям сапогом! Помнишь небось? А теперь попробуешь!

– Все я попробовал, Семен Батькович. И поддых, и в мудя, и вон в затылок. За все получил.

– Да что ты! А я как тебя увидел, думал – «ну товарищ майор никак тушенки объелся или а-на-насов».

Лысый повернулся к Семену и посмотрел в его тлеющие давней злобой глаза. – Поел я тушенки на своем веку, Сёма. Ну не так, чтобы объесться. А вот ананасов не пришлось. Есть вина перед вами, ребята, вот я и подошел.

– Ух ты! Прощенье просить будешь, дядя Лёня? Али как?

Послышался шелест. Леонид поднял голову. – О, опять вода пошла. Кран у них там, что ли?

– Нет, это дождь пошел, вона, – Боря указал в сторону. И действительно, вдалеке, откуда текла прозрачная вода, висела тучка. Из нее шел дождь. Под дождем росла трава. Она отрывалась кусками и плыла по течению. Над бледно-зелеными островками летали бабочки и стрекозы.

Большинство сидевших встали и пошли смотреть на редкую в этих местах живность. Борька тоже было дернулся, но увидев, что Семен не

шевелится, угомонился. Он все же с интересом наблюдал за порханием насекомых над журчащей водой.

– Сёма, а ты бабочек, когда малой был, ловил?

– Нет, Борюня, бабочек девчонки ловили, а я в футбол играл, рваным мячом.

– А у нас в деревне мяча не было никогда. А бабочек мы так ловили, – он согнул ладони чашечками и захлопнул их, поймав воображаемую бабочку. Потревоженный синий воздух скрипнул, словно худая подошва. Боря опустил руки и был готов заплакать, но слезы не пробились.

Семен сел и тоже посмотрел на плывущие острова.

– А я пить попросил, – сказал он голосом не горловым, но утробным. – И пью, и пью, а ковш большой, а я глотки делаю маленькие... Думаю, пока пью, то ничего мне... А смотрю, все равно дно начало появляться. Тогда я стал ее изо рта обратно выливать. Не глотаю, а обратно, потом опять.

Но он заметил, ткнул под ребра. Я пошел. А вода холодная была, а у меня в детстве горло все время болело. Мама холодную воду пить запрещала. И тут чувствую запершило горло от воды. Вот, думаю, захворал. И так смешно стало. Еле успокоился. – Семен действительно начал гыкать, то ли смеяться, то ли что.

Еще молчали. Еще смотрели на бабочек.

– А мне на забор птаха села.

– Воробей? – Сёма утирался влагой.

– Да нет, не воробей, птаха, из леса, трясогузка. Сидит и хвостом длынь-длынь, брик-брик.

– Так длынь-длынь или брик-брик?

– Да ну тебя, Сёмка, ты все подначиваешь.

– Так ты выражайся яснее, по-военному, а то товарищу майору непонятно.

– Один раз хвостом дернет, а другой – дрогнет.

– Объяснил! И что она тебе надергала?

– Она клюв открывает, будто что крикнуть хочет. А я на нее смотрю и жду. А она тужится что-то сказать, но никак не может, наверное, его боится. А тут он затвором клац-клац, она слетела и не сразу за забор, а ко мне. Повисла на месте, крыльями дрожит, хвостом трясет и как крикнет! И тут меня трухануло всего, прямо аж так... Тот подумал, что я бежать собираюсь, орет – «Стоять!». А я стою, только ослаб весь. Чую, что как меня дернуло, так и вылетело чего-то из моего нутра. И птаха полетела прочь. И я тут понял, что это душа моя выпорхнула и в птаху

перебежала. И теперь я птахой буду жить, буду жить и.... – толстяк заскулил и всхлипнул.

– Душа на девятый день отлетает, Борюня. Тебе что бабана не рассказывала?

– Говорила. А может то и не душа была. Я ж не знаю.

– А вы что ж молчите, товарищ следователь? Рассказали бы как у вас все происходило. Какие у вас впечатления остались.

– Приятные впечатления, товарищ комсорг, приятные. Я не для того к вам подсел, чтобы впечатления вам рассказывать. Совет дать хочу.

– Да что вы?! С большим интересом вас послушаем! – Семен вложил подбородок в ладонь и уставился на майора.

– Дождик – значит вечер, следующий дождик – будет утро. Вот утром нас и позовут. Будут спрашивать – «что, за что, молодые мол, как сюда попали?».

– ...Товарищ майор, вы меня убиваете в очередной раз! У вас что, и здесь агенты везде? Откуда вы все знаете?

– Агентов нет, а дело известное. Книжки, Сёма, читать надо было разные, не только ленинские тезисы да «Капитал» папы вашего, Карла.

– Ах, он наш, оказывается! А у вас, тогда, какой папа был?

– Неважно. Так вот, вы про свое комсомольское прошлое особо не распространяйтесь.

– А што жь нам «распространяться» прикажете? – Сёма деланно встрепенулся, - Что мы майорами эн Ке Ве Де трудились?

– Да уж лучше это, – усмехнулся Леонид.

– Отчего же так, разрешите полюбопытствовать?

Майор откинулся на локти и лениво огляделся. – Вот и дождь прошел. А травища-то какая вымахала, выше крыши, а тени нет. Чудно!

Любопытствуй Семен Батькович. Я сам разговор начал, сам скажу.

Наших много прибыло. Чистка рядов. Сначала мы вас, потом они нас.

– ...Вы сами себя, разрешите исправить.

– Пусть так. В общем, наши сговорились такую линию вести... Мы стреляли вас за то, что вы церкви рушили, иконы жгли и такое прочее.

Известное дело.

Семен встал на колени с глазами на выкате и присвистнул, – Ну дает! Ну падлы!

– Да ты не ругайся, Сёма, это же правда. Ты же мне сам хвастался, как монастыре реквизицию проводил.

– Я не хвастался, ты..! Я не хвастался...! Я показания..., что линию партии выполнял! Это приказ! Приказ проводили! – парень задыхался,

легкие гудели, как паровые трубы и сердце накачивало капилляры кровью.

Майор сорвал травинку и засунул между зубов,

– И курить даже не хочется.

Ну не хвастался, Сёма, и теперь не хвастайся.

– А бабушка говорила, что от него ничего не схоронешь. Он про нас все ведаёт, даже больше чем мы сами.

– Ага, – произнес Леонид, помолчав. – Наверное. Ну мое дело предупредить. «Береженого Бог бережет», – у меня тоже бабушка была. Туча вылилась и исчезла. На ее месте появилась радуга. Только висела она не коромыслом, а чашкой, концами кверху. И цвета в ней, кажется, переменялись, хотя Борька не был в этом уверен. Посередине, между синим и зеленым, стали вспыхивать короткие огоньки. Они то становились ярче, то снова пригасали.

– Она на нас идет! – толстяк поднял руку, губы его дрожали.

Радуга и впрямь приближалась. Из нее все яснее доносились звуки, похожие на крики перелетных птиц. Спорщики приподнялись на руках и с тревогой внимали нависшему над головами гулу. Крики становились громче. Казалось, стая кружилась на месте, собирая всех отставших или оставшихся. Тех, кто возможно не понимал, что нужно возвращаться обратно, туда откуда когда-то прилетел. Люди задрали головы и смотрели ... Это можно было назвать небом, если бы его днище не зияло чернотой. Можно было сказать вверх, если бы пачка Казбека, вывалившись из майорова кармана, не поплыла к птичьему крику. К спорщикам сошел человек в голубой накидке. Он постоял перед ними, подул в ус, и глядя комсоргу в лицо сказал, – Кого здесь Семеном кличут? Святой Петр призывает.